

DOI: 10.15643/libartrus-2014.4.8

ОПЦИЯ СТЕПНОГО ФРОНТИРА ЕВРОПЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ КАЗАКОВЕДЕНИИ

© В. И. Маслак

*Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского
Украина, 39600 г. Кременчуг, ул. Первомайская, 20.*

Тел.: +38 (067) 532 38 49.

Email: v.i.maslak.63@yandex.ua

В статье анализируется специфика использования опции фронта в исследованиях по истории казачества, проводимых в России и Украине. Рассматриваются проблемы, связанные с генезисом в российской и украинской историографии концепций, оценивающих казачества как особые этносоциальные общности на Большой Границе Европы, а также баланс конфронтационных и внеконфронтационных взаимоотношений казачеств с мусульманскими соседями. Анализируются теории фронта в методологических подходах русской и украинской исторических наук к оценке казачества в колонизации Степи и межэтнических отношениях, приводятся новые подходы и тенденции исторических исследований.

Ключевые слова: *историография, казачество, степной фронт, колонизация, межэтнические взаимодействия, методология историографических исследований.*

Наиболее явственным результатом тех радикальных трансформаций, которые обозначились в российской и украинской историографии на рубеже 80–90-х гг. XX в., является курс на методологическое обновление, расширение познавательного инструментария, поиск наиболее адекватных методик исторического исследования. Методологический плюрализм, воцарившийся на большей части постсоветского научного пространства, закономерно повлек за собой пристальное внимание к различным исследовательским опциям. В числе последних и концептуальный поход к объяснению как украинской, так и российской истории под углом теории фронта.

Интерес к этой опции был предопределен исторически. Как уже не раз отмечалось [1–3] на самом деле, независимо от введения Ф. Тернером в научный оборот понятия «фронта» и развития теории фронта в западных историографиях отдельные элементы дискурса, зримо напоминающего фронтальный без труда можно отыскать как в российской, так и в украинской исторической мысли. К примеру, колонизацию степного пространства Восточноевропейской равнины концептуализировали такие столпы российской и украинской историографии, как С. Соловьев, В. Ключевский, М. Грушевский. Правда, в отличие от магистрального направления западного фронтального дискурса соседство Степи и населения по ту сторону воображаемой движущейся границы рассматривались в качестве отрицательного фактора, постоянно отвлекавшего на себя болезненное внимание и требующего огромных усилий и жертв.

Во второй половине XX в. общий настрой трактовать вызов Степи в подобном ключе сохранялся и в России, и в Украине. Славяноцентричный поход и упор на конфронтационную составляющую взаимоотношений с мусульманскими соседями на юге не имели иной альтернативы. В то же время, западная русистика и отчасти украинистика начала осваивать теорию фронта, всячески призывая ее использовать. Способствовало этому и активное внедрение компаративистики в исследование различных фронтиров. Российское и украинское продвижение в Степь, равно как и проникновение России в необъятное пространство Сибири привлекали внимание как подходящий образец для сравнительных исследований. Свой взор сюда обратил даже один из наиболее видных теоретиков фронта Овен Латтимор, который с успехом рассматривал Южную Россию как продукт развития фронтального пространства [4, 5]. Другой известный компаративист У. МакНил предпринял попытку распространить теорию фронта на историю христианских казачеств степной полосы Европы [6]. М. Ходорковский положил концепцию фронта в основу монографии об отношениях Российского государства с калмиками [7]. Впрочем как недавно подытожил американский исследователь Т. Баррет, «Немногочисленные попытки представить историю России как историю постоянного расширения ее «фронта» основывались на излишне метаисторическом, тернеровском подходе, где большее внимание уделялось духу государственности, чем жизни «на окраине» государства, а обобщения опирались на незначительный объем исследовательской работы» [8]. Ведущий немецкий русист (а в последнее время и украинист) Андреас Каппелер отмечал неудовлетворительное применение Д. Вечинским концепции фронта к российским историческим условиям [9]. Тот же У. МакНил в некоторых моментах демонстрировал довольно поверхностное знакомство с общей ситуацией, касающейся истории казачества, что существенно снизило качество работы [10].

Тем не менее, уже с конца 80-х гг. как раз знакомство с западными исследованиями дало импульс восприятию концепции фронта российскими и украинскими историками. Да так, что, например, в России она стала краеугольным камнем переосмысления на современном уровне проблемы инкорпорации Сибири, а в Украине – ведущим дискурсом в изысканиях по истории украинского казачества. Подобный подход постепенно набирает силу и в исследованиях, посвященных казачеству Дона, Волги, Яика и Терека. Немаловажную роль в этом процессе играет параллельное продолжение активных исследований западными учеными (А. Каппелер, М. Ходорковский, Т. Баррет, Б. Боук, А. Рибер). Их работы охотно публикуются в России, что способствует плодотворному научному обмену и поддерживает так сказать температуру процесса. Тем более, что перечисленные исследователи активно работают в теоретической плоскости, пытаясь отшлифовать модели здешних фронтиров, типологизируя на фоне иных аналогов [2, 10–14].

Применение концепции фронта к истории казачеств, цепь которых в конце XV–XVI вв. сформировалась на Большой Степной границе, тянущейся от Днестра до Каспийского моря, сопряжено с общей интерпретацией последней, взаимоотношений в этом регионе между христианскими и мусульманскими соседями, между представителями оседлой и кочевой/полукочевой цивилизаций, а также истории возрождения украинской государственности в виде Гетманщины, формирования и расширения Российской империи. К тому же консолидированный

современный взгляд на фронтиры предполагает отказ одномомерной (в нашем варианте евроцентричной) картины взаимоотношений, упор на опцию фронта как, прежде всего, зоны взаимодействия и взаимовлияния конкурентов за обладание им. А. Каппелер предлагает посмотреть на Степной фронт как на сочетание географического, социального, военного, религиозного и культурного фронтиров и, в первую очередь, анализировать его исторический опыт как зоны «коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой» [15]. А Т. Баррет видит перспективу соответствующего фронтального дискурса в расширении исследовательских рамок за счет изучения фактора окружающей среды, а также в акцентировании внимания на социальной и этнической истории. а отсюда уход от некогда жесткой трактовки фронта с ретроспекции его последующего поглощения одним из соседей [10].

Все это вписывает исследования в широкие контексты, неминуемо затрагивая вопросы очень чувствительные для традиционных историографических представлений и исторической памяти ряда современных политических наций. Иными словами предполагается формирование пластичного образа фронта как первоначально самодостаточной зоны с амбивалентной перспективой, что в таком случае ставит под вопрос безоговорочное размещение истории Степного фронта в российском или украинском историческом нарративе. Несомненно подобная перспектива не могла не повлиять на процесс адаптации российскими и украинскими историками современных теоретических построений к задачам практических исследований. Представляется, что как раз из-за этого в российском случае исследователи так осторожно подходят к применению концепции фронта к истории казачеств Дона, Волги, Яика и Терека, сообществ, которые, располагаясь на острие Степного фронта, фокусировали (наряду с украинским казачеством) всю многомерность здешней цивилизационной ситуации. В этом отношении украинская историография оказалась более восприимчивой, что пунктирно обозначилось уже на заре новых веяний (конец 80-х – 90-е гг. XX в.).

Пожалуй, первым удачным опытом стала программная статья Я. Дашкевича «Большая граница Украины (этнический барьер или этноконтактная зона), опубликованная еще в 1989 г. в Москве. Представляя собой концептуально-постановочный взгляд на украинскую часть Степного фронта, статья содержала ряд ценных наблюдений, которые с одной стороны касались типологизации Степного фронта в целом, а с другой, на самом деле хронологически опережали обозначенные выше теоретические конструкции западных историков.

Для Я. Дашкевича Степная граница – это Большая граница Европы между европейской и азиатской цивилизациями, одновременно «биологическая и экологическая – между степью и лесом; гидрографическая – Большой европейский водораздел; социально-экономическая – между кочевничеством и оседлостью; этноконфессиональная – между славянами-христианами и тюрками-язычниками, позже мусульманами, этнокультурная – между Западом и Востоком» [9]. Как это позже делали А. Каппелер, А. Рибер, Б. Боук, М. Ходорковский и др., историк предостерегал от изоляционизма и призывал «рассматривать, во-первых, этнокультурные взаимоотношения в зоне, прилегающей к границе (понимаемой как политическая), и во-вторых, аналогичные условия в хинтерленде, иногда далеко, отблески которого проявлялись в приграничной полосе» [11].

Касаясь истории украинского казачества историк в этой и последующих работах проводил четкую линию, представляя казачество продуктом Степного фронта, наиболее активного коммуникатора с мусульманскими соседями, транслятора опыта взаимодействия вглубь украинского мира. Казаки олицетворяли подвижность, эластичность, известную транспарентность Степной границы, возможности межэтнических процессов в регионе, взаимопроникновения культур, экономического, военного и политического сотрудничества. В то же время, украинские казаки все время твердо идентифицировали себя как православных и членов украинского социума, из-за чего регион, в отличие от некоторых иных фронтиров, так и не состоялся в качестве кузницы нового субэтноса [11].

В последующем наиболее перспективные и значимые направления украинской историографии казачества развивались в проторенном Я. Дашкевичем русле. Концептуальная инициатива сегодня находится в руках историков, которые отказались от малопродуктивного похода, базирующимся на жестком противопоставлении казаков и мусульманских соседей на трактовке цивилизационной ситуации Степной границы преимущественно в конфронтационном ключе (В. Брехуненко, С. Лепявко, В. Мильчев, В. Щербак и др.) [16–20]. Наоборот, в центре внимания пребывают ранее внеконфронтационные контакты и различные формы взаимодействия. Способствовали этому и результаты активной эвристики, которые позволили существенно расширить источниковую базу исследования, вовлечь в научный оборот представительное количество источников различного происхождения. Украинское казачество представляется особым, осознающим свою уникальность сословием, которое на фронтире руководствовалось хитросплетением собственных экономических, военных и сословных интересов, разнонаправленных по отношению как к мусульманским, так и христианским претендентам на пространство Степи. Отсюда в казацкой истории сочетание морских и сухопутных походов на турок, татар, ногайцев с военно-политическими союзами против Речи Посполитой, многочисленные вторжения в Молдавию и участие в татарских набегах на Московию. В последнее время появились качественные исследования о пребывании Войска Запорожского Низового под протекцией крымского хана (1709–1734), о запорожских анклавах в Крыму и Северном Причерноморье в середине – второй половине XVIII в., типологии казацких сообществ на Степной границе [29, 30]. Недавно состоялся представительный «круглый стол» по проблеме Степного фронта с участием украинских и зарубежных историков [20].

Иная ситуация сложилась в российской историографии казачества. В отличие от дискурса украинских исследований концепция фронта оказалась не востребованной в такой мере. Не случайно в концептуальной статье С. Маркедонова, посвященной обсуждению перспектив казаковедения, не нашлось места для опции фронта [22]. Доминируют представления о территории казацких анклавов как естественной российской зоне, а казачества Дона, Волги, Яика и Терека безальтернативно трактуются неотъемлемой частью российского социума. Один из крупнейших исследователей донского казачества Н. Мининков исходит, например, из того, что «войско Донское рассматривало свои отношения с московским государем как отношения феодального типа, т. е. как отношения между верховным землевладельцем, в качестве которого признавали они царя, и условным держателем земли, в роли которого выступало казачество» [23].

Достигнув консенсуса касательно признания полиэтничности казацких сообществ, наличия в его составе выходцев из различных этносов и государственных образований, большинство исследователей, тем не менее, полагают, что казаки безальтернативно видели себя социальной группой российского социума, чем, по справедливому замечанию Б. Боука, реалии, сложившиеся в XVIII в. «анахронически проецируется на предыдущий период» [13]. Турок, татар и ногайцев казаки считали своими врагами по определению, и были иманентно настроены против них конфронтационно. То есть на Степном фронтире казачество с самого начала своего существования осознанно исполняло российскую историческую миссию вытеснения/интеграцию мусульманских соседей. «Уходя с родной земли от нарастающего политического, социального и религиозного гнета и обретая статус изгоев, они создавали (отчасти воспроизводили) такую социокультурную модель, которая позволяла им обрести новый статус («царских слуг»); в этом новом статусе они оказывались востребованными оставленной родиной» – эта мысль М. Рыбловой отражает преобладающие концептуальные подходы к пониманию роли и места казацкого фактора в исторической ретроспективе [24]. Соответственно история казацких сообществ – изначально, интегральная часть российского исторического нарратива, хотя и признается, что до времен Михаила Федоровича донское казачество, не говоря уже об остальных казацких сообществах, было независимым субъектом, с 1614 по 1671 г. между Дном и Москвой сложились отношения сюзеренитета-вассалитета, сменившиеся после целования донцами креста «на царя» в 1671 г. на автономию в составе Московского государства, которая постепенно сходилась на нет [23].

Однако в последнее время в российской историографии появились плодотворные попытки выйти за жесткие рамки традиционной концептуализации истории казачества при помощи концепции фронта. Безусловным лидером на этом поприще в настоящее время является ростовский историк Дмитрий Сень, изучающий историю казачества Северо-Западного Кавказа и взаимоотношений донского казачества с мусульманскими соседями. Исследователь не только оперирует фронтальной терминологией. Его изыскания типологически стоят в одном ряду с подходами Б. Боука и Т. Баррета к истории соответственно донского и терского казачества. Иные российские специалисты (В. Королев, О. Куц, А. Мининков, С. Черницын, М. Рыблова) используют лишь отдельные элементы фронтального дискурса, не конфликтующие с главным направлением описания казацкой истории [23, 25–28]. Преимущественно это тезисы о взаимодействии, в том числе этническом в казацких анклавах, субъектность Дона в отношениях с Турцией, Крымом, Московским государством) Д. Сень же подвергает критическому переосмыслению традиционные взгляды в целом. Первостепенное значение имеет тот факт, что интеллектуальным толчком к его концептуальным построениям послужил большущий и репрезентативный эмпирический материал, добытый путем целенаправленной архивной эвристики и резко выламывающийся из привычной жестко московскоцентричной конструкции казацкой истории. Знакомство с теориями фронта стало причиной второй очереди. Поэтому выводы Д. Сени хорошо «работают» на историческом материале и создают продуктивное поле для дальнейших исследований и дискуссий.

Анализируя многочисленные факты разноплановых внеконфронтационных отношений между донскими казаками и мусульманскими соседями второй половины XVII – начала XVIII

в., частые случаи миграции донцов в Азов и Крым, сопровождающиеся или несопровождающиеся религиозной конверсией, реакцию казаков на такие жизненные стратегии членов донского братства, аналогичные практики переселения азовцев, татар, ногайцев на территорию Войска Донского [29–31], исследователь приходит к свежему реинтерпретационному, но достаточно обоснованному выводу, что «монолитность противостояния «казачьего мира» мусульманскому присутствию в регионе – исторический и историографический миф» [32]. Подобная повседневность связана с фактором локализации донского анклава в зоне фронта, что провоцировало формирование в сознании иных установок, чем в случае с существованием в пределах государственных границ. Донское казачество Д. Сень доказательно квалифицирует как сообщество со специфической идентичностью, сложившейся под воздействием фронтальных реалий: «донское казачество уже во второй половине XVII ст. представляло собой тип *homo novus*, коллективная идентичность которого определялась, по всей видимости, не только и не столько общностью «московского происхождения» или даже принадлежностью к православии, а принадлежностью к войсковому братству» [32].

Обстоятельно исследуя возникновение казачества Северо-Западного Кавказа, практики отношений местных казаков, а также донских с Крымом и Османской империей историк убедительно показал, что эмпирический материал склоняет к тому, чтобы рассматривать историю казацких сообществ под опцией многомерности и вариативности процессов. В конечном итоге исследователь заключает, что «исконная преданность казаков России, Империи, идеям обороны российских границ, защиты веры православной – во многом миф, политический конструкт, зачастую далекий от настроений в среде рядовых казаков» [32]. Подобные соображения расшатывают традиционную для российской историографии концепцию истории казачества, открывая новые познавательные возможности. А интеграция казацких анклавов в состав Российского государства представляется как реализация одного из возможных сценариев, а не, наперед заданная, данность.

С другой стороны, эти плодотворные наблюдения сближают позиции российского и украинского казачеведения, что особенно видно на примере недавно появившегося в Украине исследования В. Брехуненко о типологии казацких сообществ XVI – первой половины XVII в., написанного в русле концепции фронта. Вписывая Степной фронт в когорту иных фронтов, автор предложил выделить в нем восточную и западную зоны, различия между которыми сложились исторически, став отправным пунктом для того, что казачества Дона, Волги, Яика и Терека, с одной стороны, и украинское казачество – с другой, оказались на разных исторических траекториях. Последнее, превратилось в ядро новой украинской элиты посредством поднятой им в середине XVII в. в Украине Национально-освободительной войны и возрождения украинской государственности. Остальные казачества Степной границы, в конце концов, стали сословными анклавами на окраинах Российской империи с остатками автономии. Рассматривая сущность казачеств в компаративистической перспективе, исследователь привлек ряд аргументов, позволяющие говорить о том, что донцы, яицкие казаки, терцы, гребенцы осознавали себя особыми этносоциальными сообществами, отличными от всех соседей, с русскими включительно и аналогично воспринимались, что примечательно, даже в Московском государстве. Если украинские казаки очень быстро начали претендовать на особое место в украинском обществе, то казачества Дона, Волги, Яика и Терека не вписывали себя в

московский социум, не стремились занять там какое-либо место, напротив культивировали самодостаточность своих анклавов, ревниво относясь к любым попыткам на практике или на символическом уровне ограничить их суверенитет [17]. Турки, татары, ногайцы, азовцы превратились для казаков в главных оппонентов «лишь потому, что претендовали на Степной фронт и осуществляли набеги на христианское пограничье, а не из-за того, что были тюрками или мусульманами [17]. Широкая палитра внеконфронтационных отношений казаков с мусульманскими соседями и по своему наполнению и по интенсивности соотносится с «донскими» наблюдениями Д. Сеня, касающимися более позднего периода истории донского казачества, как бы укрепляя их. Все это свидетельствует о высоком гносеологическом потенциале теории фронта применительно к истории казачества, влекущем за собой даже перспективу постепенного сближения позиций таких разных прежде российской и украинской школ в казачковедении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bassin M. Turner, Solov'ev and the "Frontier Hypothesis": The Nationalist Signification of Open Spaces // *The Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. No. 3. P. 471–511.
2. Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // *Новая имперская история постсоветского пространства*. Казань, 2004. С. 108–219.
3. Lobanov-Rostovsky A. Russian Expansion in the Far East in the Light of Turner Hypothesis // *The Frontier in Perspective*. Madison, 1957. P. 79–94.
4. Treadgold D. W. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of the American Frontier // *Agricultural History*. 1952. Vol. 26. No. 4. P. 147–152.
5. Lattimore O. Inner Asian Frontiers: Chinese and Russian Margins of Expansion // *Studies in Frontier History. Collected Papers*. Paris, 1962. P. 138–152.
6. Lattimore O. The Nomads and South Russia // *Archeion Pontou*. 1979. Vol. 35. P. 193–200.
7. Khodarkovsky M. *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771*. Ithaca, 1992.
8. McNeill W. N. *Europe's Steppe Frontier, 1500–1800*. Chicago, 1964.
9. Баррет Т. Линии неопределенности: Северокавказский «фронт» России // *Американская русистика: веги историографии последних лет. Императорский период. Антология*. Самара, 2000. С. 166–177.
10. Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. №1. С. 47–63.
11. Дашкевич Я. Р. Большая граница Украины (этнический барьер или этноконтрактная зона) // *Этноконтактные зоны в европейской части СССР (География, динамика, методы изучения)*. М., 1989. С. 7–20.
12. Barrett Th. M. *At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860*. Boulder; Colo, 1999.
13. Voeck B. J. *Imperial Boundaries. Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. Cambridge, 2009.
14. Боук Б. Фронт или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // *Социальная организация и обычное право: Материалы научн. конф.* Краснодар, 2001. С. 147–155.
15. Khodorkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, 2002.
16. Дашкевич Я. Козацтво на Великому Кордоні // *Український історичний журнал*. 1990. №12. С. 20–22.
17. Брехуненко В. А. *Козаки на Степовому Кордоні Європи. Типологія козацьких спільнот XVI – першої половини XVII ст.* Київ, 2011. С. 243–453.
18. Леп'явко С. *Великий Кордон Європи як фактор становлення українського козацтва (XVI ст.)*. Запоріжжя, 2001.
19. Леп'явко С. *Українське козацтво і теорія Великого Кордону* // *Козацька спадщина*. 2005. №2. С. 14–18.
20. Мільчев В. *Нариси з історії запорозького козацтва XVIII ст.* Запоріжжя, 2009.
21. Щербак В. *Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XV – XVII ст.* Київ, 2000.
22. Маркедонов С. Основной вопрос казачковедения: российская историография в поисках древнего казачества // *Ab Imperio*. 2004. №2. С. 529–566.
23. Мининков Н. А. *Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.)*. Ростов-на-Дону, 1998. С. 292.

24. Рыблова М. А. Социокультурные трансформации на Дону (XVI–XIX вв.) // *Казачество в истории России: прошлое и настоящее*. Сборник научных статей. Ростов-на-Дону, **2008**. Вып. 2. С. 7.
25. Королев В. Н. *Донские казацьи городки*. Новочеркасск, **2007**.
26. Куц О. Ю. *Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667)*. Санкт-Петербург, **2009**.
27. Рыблова М. А. *Донское братство: казацьи сообщества на Дону в XVI–первой трети XIX века*. Волгоград, **2006**.
28. Черницин С. В. Некоторые вопросы этнических процессов в Войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев) // *Дон и Северный Кавказ в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, **1990**. С. 73–81.
29. Сень Д. В. Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // *Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье*. М., **2011**. С. 289–320.
30. Сень Д. В. Из «вольных» казаков – в поданные крымских ханов: казацьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII вв. // *Восток (Oriens)*. М., **2011**. №5. С. 46–54.
31. Сень Д. В. «Другие славяне»: ахреяне Приазовья и Кубани XVII – начала XVIII в. // *Липоване. История и культура русских старообрядцев*. Одесса, **2012**. С. 35–46.
32. Сень Д. *Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.)*. Ростов-на-Дону, **2009**. С. 43–60.

Поступила в редакцию 31.03.2014 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2014.4.8

OPTION OF THE EUROPEAN STEPPE FRONTIER IN MODERN RUSSIAN AND UKRAINIAN COSSACKS STUDIES

© V. I. Maslak

*Michael Ostrogradsky National University
20 Pervomayskaya St., 39600 Kremenchug, Ukraine.*

Phone: +38 (067) 532 38 49.

Email: v.i.maslak.63@yandex.ua

The purpose of the article is to research the specific using of the frontier paradigm in the study on Cossack history by contemporary Russian and Ukrainian historiography. There are examined views of Russian and Ukrainian historians on the following issues: the genesis of the views on the Cossack communities as a special ethno-social organisms at Europe's Great Frontier, the characteristics of the inter-ethnic contact zone in the stretch of steppes from the Dnipro to the Terek, the views on the interaction between Cossack communities and the non-Christian Cossack formations on the other side of the Christian-Muslim frontier, the emergence of the research approach based on the conception of the balance of confrontational and non-confrontational contacts and mutual impacts.

Keywords: *historiography, Cossacks Studies, steppe frontier, colonization, interethnic interaction, historiographical research methodology.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Maslak V. I. Option of the European Steppe Frontier in Modern Russian and Ukrainian Cossacks Studies // *Liberal Arts in Russia*. 2014. Vol. 3. No. 4. Pp. 297–306.

REFERENCES

1. Bassin M. *The Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. No. 3. Pp. 471–511.
2. Riber A. *Novaya imperskaya istoriya postsovetского prostranstva*. Kazan', 2004. Pp. 108–219.
3. Lobanov-Rostovsky A. *The Frontier in Perspective*. Madison, 1957. Pp. 79–94.
4. Treadgold D. W. *Agricultural History*. 1952. Vol. 26. No. 4. Pp. 147–152.
5. Lattimore O. *Studies in Frontier History*. Collected Papers. Paris, 1962. Pp. 138–152.
6. Lattimore O. *Archeion Pontou*. 1979. Vol. 35. Pp. 193–200.
7. Khodarkovsky M. *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771*. Ithaca, 1992.
8. McNeill W. N. *Europe's Steppe Frontier, 1500–1800*. Chicago, 1964.
9. Barret T. *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period*. Antologiya. Samara, 2000. Pp. 166–177.
10. Kappeler A. *Ab Imperio*. 2003. No. 1. Pp. 47–63.
11. Dashkevich Ya. R. *Etnokontaktnye zony v evropeiskoi chasti SSSR (Geografiya, dinamika, metody izucheniya)*. Moscow, 1989. Pp. 7–20.
12. Barrett Th. M. *At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860*. Boulder; Colo, 1999.
13. Boeck B. J. *Imperial Boundaries. Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great*. Cambridge, 2009.
14. Bouk B. *Sotsial'naya organizatsiya i obychnoe pravo: Materialy nauchn. konf. Krasnodar*, 2001. Pp. 147–155.
15. Khodorkovsky M. *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*. Bloomington, 2002.
16. Dashkevich Ya. *Ukrains'kii istorichnii zhurnal*. 1990. No. 12. Pp. 20–22.

17. Brekhunenko V. A. *Kozaki na Stepovomu Kordoni Evropi. Tipologiya kozats'kikh spil'not XVI – pershoi polovini XVII st. [Cossacks on the Steppe Frontier of Europe. Typology of Cossack Communities of 16th - First Half of 17th Centuries]*. Kiiiv, **2011**. Pp. 243–453.
18. Lep'yavko S. *Velikii Kordon Evropi yak faktor stanovlennya ukrains'kogo kozatstva (XVI st.) [Great Frontier of Europe as a Factor of Formation of the Ukrainian Cossacks (16th Century)]*. Zaporizhzhya, **2001**.
19. Lep'yavko S. *Kozats'ka spadshchina*. **2005**. No. 2. Pp. 14–18.
20. Mil'chev V. *Narisi z istorii zaporoz'kogo kozatstva XVIII st. [Essays on the History of Zaporizhia Cossacks of 18th Century]*. Zaporizhzhya, **2009**.
21. Shcherbak V. *Ukrains'ke kozatstvo: formuvannya sotsial'nogo stanu. Druga polovina XV – XVII st. [Ukrainian Cossacks: the Formation of Social Status. Second Half of 15th-17th Centuries]* Kiiiv, **2000**.
22. Markedonov S. *Ab Imperio*. **2004**. No. 2. Pp. 529–566.
23. Mininkov N. A. *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.) [The Don Cossacks in the Era of the Late Middle Ages (Until 1671)]*. Rostov-na-Donu, **1998**. Pp. 292.
24. Ryblova M. A. *Kazachestvo v istorii Rossii: proshloe i nastoyashchee. Sbornik nauchnykh statei*. Rostov-na-Donu, **2008**. No. 2. Pp. 7.
25. Korolev V. N. *Donskie kazach'i gorodki [The Don Cossack Towns]*. NovoCherkassk, **2007**.
26. Kuts O. Yu. *Donskoe kazachestvo v period ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina (1637–1667) [The Don Cossacks During the Period from the Taking of Azov to S. Razin Campaign (1637-1667)]*. Sankt-Peterburg, **2009**.
27. Ryblova M. A. *Donskoe bratstvo: kazach'i soobshchestva na Donu v XVI–pervoi treti XIX veka [Don brotherhood: Cossack Communities on the Don in the 16th-the First Third of the 19th century]*. Volgograd, **2006**.
28. Chernitsin S. V. *Don i Severnyi Kavkaz v drevnosti i srednie veka*. Rostov-na-Donu, **1990**. Pp. 73–81.
29. Sen' D. V. *Tyurkologicheskii sbornik 2009–2010: Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e*. M., **2011**. Pp. 289–320.
30. Sen' D. V. *Vostok (Oriens)*. M., **2011**. No. 5. Pp. 46–54.
31. Sen' D. V. *Lipovane. Istoriya i kul'tura russkikh staroobryadtsev*. Odessa, **2012**. Pp. 35–46.
32. Sen' D. *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnosheniyakh s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ya (vtoraya polovina XVII – nachalo XVIII v.) [The Cossacks of the Don and the North-Western Caucasus in Relations with the Muslim States of the Black Sea Region (Second Half of the 17th-Beginning of the 18th Century)]*. Rostov-na-Donu, **2009**. Pp. 43–60.

Received 31.03.2014.